

Бай Кэкэ заметила, что Ши Юсин молчит, нахмурилась и уже хотела что-то сказать, как вдруг обратила внимание, что его взгляд прикован к её парте.

Она проследила за его глазами: на столе лежали хлеб и молоко. Бай Кэкэ перевела взгляд на Ши Юсина — его лицо было наполовину скрыто тёплой жёлтой маской. Ей показалось, или его сероватые глаза в самом деле часто-часто моргали, светясь каким-то особенным блеском?

Наблюдая за ним, Бай Кэкэ с сомнением взяла хлеб и слегка сдвинула его в сторону. Голова Ши Юсина качнулась вслед за движением её руки.

Бай Кэкэ для верности передвинула хлеб ещё дальше, уже более заметно. Теперь она была уверена в своих догадках.

— Хочешь? — она слегка покачала хлебом в руке.

Ши Юсин не сводил с еды глаз. Услышав вопрос, он, совершенно не искушённый в тонкостях человеческого общения, инстинктивно и очень энергично кивнул, ни капли не смущаясь.

Бай Кэкэ не ожидала такой прямоты.

— Забирай, — она протянула ему хлеб.

Ши Юсин тут же схватил его. Он держал булку так бережно, словно это был не обычный хлеб, а драгоценное снадобье, дарующее вечную жизнь.

К изумлению Бай Кэкэ, его и без того блестящие глаза, кажется, засияли ещё ярче. В тот миг ей почудилось, будто в их серой глубине промелькнул слабый голубой отблеск.

— Спасибо, — Ши Юсин улыбнулся, глядя на хлеб, и собрался уходить. Из-за маски улыбки было не видно, но Бай Кэкэ отчётливо чувствовала, как от него исходит волна самого искреннего, детского счастья.

— Постой, — окликнула она его.

Ши Юсин обернулся и замер, глядя на неё. Он крепко сжал хлеб в руках, потом вдруг разжал пальцы. В его глазах читалось явное сожаление.

Бай Кэкэ невольно рассмеялась — её смех прозвучал легко и мелодично. Она встала, взяла со стола клубничное молоко и, лукаво улыбаясь, помахала им перед лицом Ши Юсина.

— Это тоже тебе.

Едва она закончила фразу, Ши Юсин радостно вскинул голову:

— Оказывается, ты не собиралась забирать хлеб обратно? Спасибо тебе! Но я уже взял хлеб, больше мне нельзя.

Бай Кэкэ на мгновение замерла, а затем медленно произнесла:

— Ну что ж, значит, этой бутылке молока прямая дорога в мусорное ведро.

Она произнесла это с притворным сожалением и направилась к корзине для мусора. Ши Юсин широко открыл глаза, сорвался с места и преградил ей путь.

— Не выбрасывай! Пожалуйста, отдай его мне, я помогу тебе с ним разобраться!

Уголки губ Бай Кэкэ дрогнули в улыбке.

— Хорошо, договорились.

Она вручила ему молоко и вернулась на своё место. Ши Юсин, прижимая к себе хлеб и молоко, сел за парту и, низко опустив голову, шёпотом поделился радостью с 001:

— 001, смотри, у меня есть хлеб и молоко!

Поскольку в классе был лишний человек, а поведение Ши Юсина многие считали странным, он вполне естественно оказался за отдельной партой. Теперь ему было удобно болтать с 001.

Система 001, которая ещё тогда, когда Ши Юсин пускал слюни на еду Бай Кэкэ, предпочла отключить визуальный канал, чтобы не видеть этого позора, всё это время молча слушала их диалог, сдерживаясь из последних сил.

Услышав слова своего подопечного, 001 не выдержало:

— Дурак.

Ши Юсин пропустил колкость мимо ушей. Он разорвал пластиковую упаковку, откусил кусок хлеба и, прожевав, снова обратился к 001:

— Как же вкусно, 001! Хочешь, поделюсь?

001:

— ...

Этот маленький глупец делает это нарочно? Как система может есть?

Видя, что 001 молчит, Ши Юсин радостно заключил:

— Не хочешь? Ну ладно, тогда придётся съесть всё самому.

В голове Ши Юсина раздалось раздражённое шипение 001, означавшее, что система больше не желает с ним разговаривать.

<http://bllate.org/book/21571/2221401>